

ТЕОРИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА¹

Что же такое постиндустриальное общество? Каковы его характерные черты и особенности? Что в современной России приближает к нему, а что отдаляет от него? Попробуем разобраться в этих вопросах.

6.1. Основные концепции постиндустриального общества

Современная концепция постиндустриального общества уходит корнями в работы Торстейна Веблена (1857–1929) начала XX в. Институты, по Веблену, хронически консервативны. Развитие связывается с изменениями техники.

Как мы уже отмечали во второй главе в работах, написанных Т. Вебленом в годы Первой мировой войны и после нее, рассматриваются важные проблемы научно-технического прогресса и показывается роль инженеров-менеджеров в создании рациональной промышленной системы. Именно с ними он связывает будущее капитализма. Под влиянием Т. Веблена появились технократические концепции и труды, посвященные «революции управляющих».

Идеи о будущем постиндустриальном строе получили дальнейшее развитие в работах К. Кларка «Экономика в 1960 году»

¹ Впервые опубликовано: Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА, 2009. С. 328–363.

(1948), Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» (1949). Однако подлинный бум работ об обществе будущего начался после публикаций книг и статей Д. Белла, Дж. К. Гэлбрейта, П. Друкера и других классиков постиндустриального общества.

Дэниел Белл (Daniel Bell) родился в 1919 г. в Нью-Йорке. Преподавал социологию в Колумбийском (1959–1969 гг.) и Гарвардском университете (с 1969 г.).

Дэниел Белл
(р. 1919)

В 1964 г. Д. Белл был назначен членом президентской комиссии по технике автоматизации и экономическому прогрессу. Тогда же он возглавил «Комиссию по 2000 году». Ярким свидетельством признания его заслуг явилось приглашение в Гарвард, где он принял кафедру, которой ранее заведовал знаменитый Толкотт Парсонс.

Гарвардский период жизни Белла ознаменовался такими выдающимися трудами, как «Грядущее постиндустриальное общество» (1973), «Культурные противоречия капитализма» (1976), «Извилистый путь» (1980).

Д. Белл ввел особую социологическую категорию «осевой принцип», с помощью которой стремился доказать, что общественные институты, отношения и духовные процессы не обусловлены каким-то одним фактором. Одни из них располагаются по одной оси, другие — по иной. Все зависит от того, какой осевой принцип избрать. Таким образом, всем трем общественным сферам (экономике, политике, культуре) присущи автономия и свои собственные «осевые принципы» (рис. 6.1).

В своей концепции Д. Белл сформулировал основные **признаки постиндустриального общества**:

- создание экономики услуг;
- доминирование слоя научно-технических специалистов;

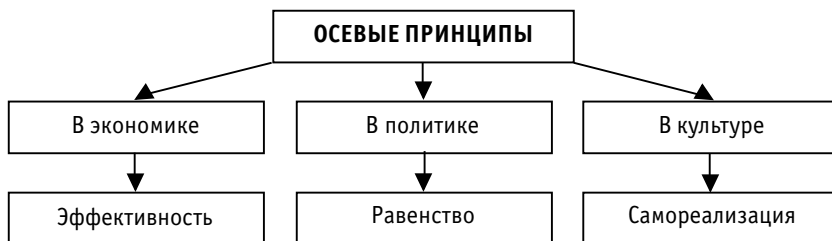

Рис. 6.1. *Осевые принципы, присущие общественным сферам, по Д. Беллу*

- центральная роль теоретического научного знания как источника нововведений и политических решений в обществе;
- возможность самоподдерживающегося технологического роста;
- создание новой «интеллектуальной» техники.

Общий принцип социальной структуры постиндустриального общества — **меритократия**. Под этим термином подразумеваются все те, «кто имеет заслуженный статус или достиг авторитетного положения благодаря компетентности». Иными словами, «меритократия состоит из людей, которые заслужили свой авторитет».

Принципу меритократии не следует противиться. «Общество, не выдвигающее лучших людей во главу своих основных институций, в социологическом и моральном отношении абсурдно», — утверждает Белл. Таланты и достижения — доминирующие принципы культурно развивающегося общества. Но оно, делает существенную оговорку Белл, должно быть максимально открытым для всех. «Хорошо организованная меритократия может быть обществом хотя и неравенства, но справедливости».

В своей работе «Социальные рамки информационного общества» (1980) Д. Белл выделяет три этапа изменений в территориальном размещении производительных сил. В доиндустриальную эпоху города располагались на пересечении

торговых путей, в индустриальную — вблизи источников сырья, в постиндустриальную — вокруг научных центров.

Создателями индустриального общества были изобретатели-самоучки: часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, а ювелир Фултон — пароход. Именно «талантливые жестянщики», а не «высоколобые интеллектуалы», писал Д. Белл, были создателями «промышленности XIX в.». К этой промышленности он относит не только сталелитейную, электротехническую и моторостроение, но и авиастроение, возникшее в начале XX в.

Д. Белл связывает научно-техническую революцию прежде всего с революцией в сфере телекоммуникаций. Если в XIX — первой половине XX в. двумя основными формами коммуникаций были газеты, журналы и книги, с одной стороны, и телеграф, телефон, радио и телевидение — с другой, то во второй половине XX в. главным становится развитие средств компьютерной связи. В этой связи Белл еще в 1980 г. формулирует пять проблем, которые должно было решить человечество в ближайшие десятилетия:

1. Слияние телефонной и компьютерной систем, телекоммуникаций и обработки информации в одну модель.
2. Замена бумаги электронными средствами.
3. Расширение телевизионной службы через кабельные системы.
4. Реорганизация хранения информации и систем ее запроса на базе компьютеров в интерактивную информационную сеть, доступную всем.
5. Расширение системы образования на базе компьютерного обучения.

Сформулированные Д. Беллом проблемы оказались в центре внимания его современников. В опубликованной в 1983 г. статье «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики» **Т. Стоуньер** писал о трех лимитирующих факторах, соответствующих трем историческим эпохам развития человечества: земле (доиндустриальная эпо-

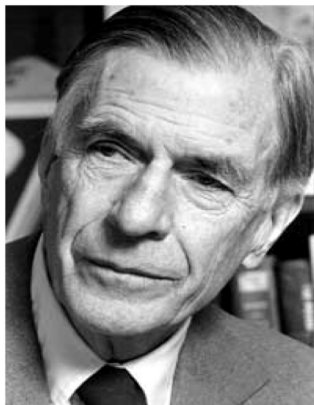
ха), капитале (индустриальная эпоха) и информации (постиндустриальная эпоха). При этом под информацией он имеет в виду не любые знания, а «наличные знания, данные в удобной для использования форме».

Он пишет о том, что общество в ближайшем будущем ожидает три кремневые революции:

- производство из песка интегральных схем;
- производство фотоэлектрических батарей;
- развитие парникового хозяйства в пустынях — ядра новой технологической системы.

Именно они, по мнению Стойнера, должны заложить основы будущей постиндустриальной цивилизации даже в тех районах, которые до недавнего времени отставали от развитых стран.

Другой известный теоретик постиндустриального общества — **Джон Кеннет Гэлбрейт (John Kenneth Galbraith, 1908–2006)**. Он окончил университет в Торонто и получил степень доктора в Калифорнийском университете. В течение жизни Дж.К. Гэлбрейт преподавал в ряде университетов США (Гарвардском, Калифорнийском и Принстонском).

**Джон Кеннет Гэлбрейт
(1908–2006)**

В вышедшей в 1952 г. книге «Американский капитализм. Теория уравнивающей силы» ученый пишет о профсоюзах как уравнивающей силе, существующей наряду с большим бизнесом и правительством. Уже в этой работе обосновывается идея Гэлбрейта о менеджерах как носителях прогресса. Эта идея получает дальнейшее развитие в его книге «Новое индустриальное общество» (1967). Именно там он выдвигает новое понятие «техноструктура», суть которой заключается в монополизации знаний и

принятии основных решений помимо владельцев капитала. Изменения функций менеджеров связаны с дальнейшим обобществлением производства, когда ведущую роль в экономике начинают играть крупные фирмы, осуществляющие свою деятельность в планетарном масштабе.

Крупная фирма, по мысли Гэлбрейта, может, за редкими исключениями, лучше, чем небольшая фирма, контролировать свои цены и издержки, убеждать своих потребителей и управлять ими. Она способна ограждать себя от снижения прибылей в результате конкуренции и, таким образом, ограждать свои доходы и имеет больше возможностей избавиться от тех затрат на рабочую силу, которые она не в состоянии регулировать. Таким образом, крупная фирма способна более надежно оградить себя от нежелательных для нее изменений в уровне доходов, что могло бы вызвать вмешательство в ее дела акционеров или кредиторов, а также в связи с неблагоприятной реакцией со стороны общественности повлечь за собой вмешательство профсоюзов, потребителей или правительства.

Новое индустриальное общество, по мысли Гэлбрейта, отвечает следующим факторам: высокой степени обобществления хозяйства, укрупнению промышленного производства, высокому уровню производства и доходов на основе достижений научно-технического прогресса, усилению роли государства во всех сферах экономики и планирования хозяйственного развития.

В работе «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт также разбирает две системы: планирующую и рыночную, обращая внимание на то, что с развитием капитализма в рыночной экономике все больше усиливаются элементы планирования, а в плановой — рыночные элементы. В России — это был период косыгинских реформ, когда было ограничено число плановых показателей и усилились элементы воздействия рынка на деятельность государственных предприятий. Происходящее в капиталистических и социалистических

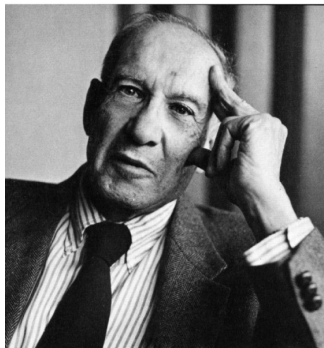
странах взаимное переплетение плана и рынка приводит ученого к идее конвергенции.

Но не всем идеям, сформулированным Дж.К. Гэлбрейтом, была уготована долгая жизнь. Крупному бизнесу легче найти общий язык с правительственными органами, причем влиять на исполнительную власть проще, чем на законодательную. Противодействующей этому тандему силой, по Гэлбрейту, служат профсоюзы. Но падение роли профсоюзов — объективная тенденция сегодняшнего дня, а союз государства и бизнеса — не гарантия общественно полезной деятельности.

Теория конвергенции (во всяком случае, в интерпретации Гэлбрейта) также оказалась временной тенденцией. С падением социализма в СССР и Восточной Европе развитие продолжилось только в одну сторону — в сторону рыночной экономики. Впрочем, нельзя не отметить, что современная рыночная экономика совсем не похожа на ту, которая была в XIX веке.

Питер Фердинанд Друкер (Peter Ferdinand Drucker, 1909–2005)

родился в Вене в 1909 г. В 20-х гг. переехал в Германию, учился в Гамбурге и во Франкфурте. В 1937 г. эмигрировал в США. В 1950–1971 гг. работал в университете Нью-Йорка. С 1971 по 2005 г. был профессором социальных наук и менеджмента в Университете Клермонта.

**Питер Друкер
(1909–2005)**

Наибольший успех ему принесли работы по теории и практике менеджмента. Однако в связи с концепцией постиндустриального общества он интересен нам прежде всего как автор концепции «информационного работника». Эта концепция получила развитие в работах «Будущее индустриального человека» (1942), «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего

меняющегося общества» (1968), «Посткапиталистическое общество» (1993), «Задачи менеджмента в XXI веке» (1999).

Ориентирами для нашего меняющегося общества, считает Друкер, являются появление новых технологий и отраслей промышленности, переход от международной экономики к мировой, утверждение общества организаций, усиление важности знаний как движущей силы социально-экономического развития.

«Чтобы общество организаций стало по-настоящему свободным обществом, — писал П. Друкер, — нужно, чтобы личность взяла на себя ответственность, и прежде всего ответственность за вклад — как свой собственный, так и организации»².

В конце XX века целью существования организаций становится повышение их эффективности. А она, в свою очередь, зависит от деятельности образованной и всесторонне развитой личности, которая, по мысли П. Друкера, только и может проявиться в организации. Общество организаций, таким образом, рассматривается Друкером как пространство для проявления личностью собственной индивидуальности через осознание своей непосредственной ответственности. Это связано с развитием информационного общества, в котором необходимость применения знания проявляется в ежедневной трудовой деятельности. Это создает предпосылки для экономического и социального равенства. Еще раз подчеркнем, что достижение социального равенства происходит через создание информационного сообщества.

Обращает на себя внимание тот факт, что будущее общество разные авторы видят по-разному: как постиндустриальное, посткапиталистическое, когнитивное и т.д. (рис. 6.2). Это свидетельствует о том, что сама теория общества будущего находится в стадии становления и не понятно, какие из его уже появившихся черт станут основными и доминирующими.

² Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. С. 165.

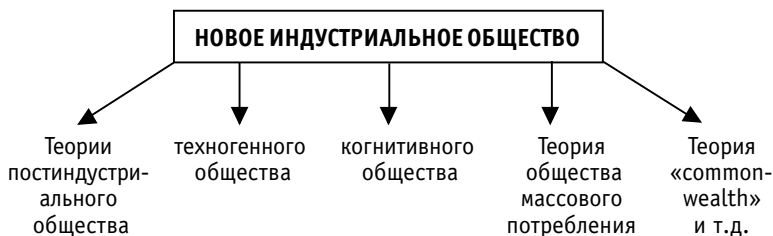

Рис. 6.2. Концепции постиндустриального общества

В частности, **Мануэль Кастельс (Manuel Castells, р. 1942)** развивает концепцию сетевого общества. После окончания Барселонского Университета (1958–1962) он в 1967–1979 гг. преподает в Нантере, а в 1979 г. переезжает в США, где начинает преподавать в Беркли.

Мануэль Кастельс
(р. 1942)

Именно в этот период выходят его основные работы, посвященные постиндустриальному обществу: «Экономический кризис и американское общество» (1980), «Город и городские массы» (1983), «Город в информационный век» (1989), «Информационный век: экономика, общество, культура» (1996–1998), «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, Бизнесе и Обществе» (2001), «Информационное Общество и Государство всеобщего благоденствия: финская Модель» (2002, соавтор Пекка Химейнн), «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива» (2004, редактор и соавтор), «Сетевое общество: От знания до политики. Центр трансатлантических отношений» (2006, соредатор), «Мобильная коммуникация и общество: глобальная перспектива» (2006, соавтор).

Важной идеей, развиваемой Кастельсом, является концепция сетевого общества и разделения всего земного шара на

интернет-имущих и интернет-неимущих. Дело не в обладании Интернетом как таковым, а в том, насколько Интернет стал органической составной частью современного общества, средством коммуникации, производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Совсем по-другому представляет-
ся современное общество **Элвину Тоффлеру (Alvin Toffler, р. 1928)**.

В 1949 г. он заканчивает Нью-Йоркский университет в Олбани и с 1965 г. работает в Корнельском университете и Новой школе социальных исследований. Основными его работами по теории постиндустриального общества являются: «Шок будущего» (1970), «Столкновение с будущим» (1972), «Потребители культуры» (1973), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980), «Адаптивная корпорация» (1985), «Сдвиг

Элвин Тоффлер
(р. 1928)

власти» (1990), «Война и Антивойна. Опыт выживания на пороге XXI века» (1993), «Революционное богатство» (2006).

Наибольший резонанс имела его работа «Третья волна». Идеи прогресса, типичные для Третьей волны, позднее он дополнил характеристикой прогресса и в сфере вооружений в своей работе «Война и Антивойна». Тоффлер называет десять главных черт экономики Третьей волны:

1. Для **факторов производства** — это знание (информация, данные, изображения, символы, культура, идеология, система ценностей). Оно становится заменой других материалов, при этом подчеркивается, что знание — неисчерпаемо. Оно является решающим ресурсом разрушения и для факторов поражения.

2. В области **нематериальных ценностей** наиболее существенным становится способность создавать, распределять,

применять знания. Это характерно и для военной сферы, где решающими факторами становятся лучшая разведка и связь, лучше обученные солдаты, а не просто их численность.

3. Для Третьей волны типичен **уход от массовости**. Происходит сдвиг от однородности к разнообразию. То же самое мы наблюдаем и в сфере вооружений, где решение индивидуальных задач достигает большего эффекта в разрушении системы обороны противника.

4. Глубокие изменения охватывают и **сферу труда**. Здесь происходит резкое повышение квалификации и падение взаимозаменяемости. То же типично и для армии, где главным фактором становятся квалифицированные солдаты.

5. Для поддержания конкурентоспособности и поощрения инициативы необходимы новые идеи — **нововведения**. Они типичны и для гражданской, и для военной промышленности.

6. Изменяется и **масштаб** — малое вытесняет большое, малые фирмы приходят на смену большим гигантам. То же касается и военной сферы, которая требует меньше людей, однако таких, которые вооружены более интеллектуальной технологией.

7. Существенные изменения затрагивают и **организацию**. Для нее становится типичным поиск новых форм, гибких и маневренных. Вооруженные силы также постепенно утрачивают жесткое управление сверху вниз.

8. Э. Тоффлер выделяет **изменения и в системной интеграции**. Возрастающая сложность экономики требует более развитых интеграции и управления. Системная интеграция становится характерной и для управления в военной сфере.

9. Развивается **мощная инфраструктура**, которая все более и более основывается на новейших достижениях в электронике.

10. Для современной экономики становится типичным **ускорение** всех процессов. Темпы операций и темпы работ увеличиваются, конкуренция во времени обостряется. Деньги

перемещаются со скоростью света, а информация перемещается еще быстрее. В военной сфере от быстроты выполнения маневров зависит успех всей операции.

Ален Турен (Alain Touraine, р. 1925) в отличие от своих коллег

акцентирует внимание на проблеме формирования и развития социального капитала в будущем постиндустриальном обществе. В 1950–1958 гг. он работает в Национальном центре научных исследований в Париже. С 1960 г. руководит исследовательскими программами Высшей школы социальных наук, с 1966 г. — профессор Нантера.

**Ален Турен
(р. 1925)**

Именно в эти годы начинаются публикации его многочисленных работ, посвященных постиндустриальному обществу: в 1965 г. выходит «Социология действия», в 1969 г. — «Постиндустриальное общество», в 1973 г. — «Производство общности», в 1974 г. — «В защиту социологии», в 1977 г. — «Жажда истории», в 1992 г. — «Критика модернити», в 1994 г. — «Что такое демократия», в 1997 г. — «Способны ли мы жить вместе? Равные и различные».

Остановимся на последней работе подробнее. С точки зрения характера соподчинения индивида и власти профессор Турен выделяет три стадии модернизации:

I. Период, прошедший под знаком эпохи **Просвещения** и приведший к формированию первых буржуазных государств.

II. «Срединная» стадия. Господство **идеи рациональности**, допускающее культурную самобытность в пределах национального государства.

III. «Программируемое» общество. Отличается прежде всего возросшей ролью **политической власти**. Социум, «являющийся итогом решений, политики и программ, а не естественного равновесия».

В результате возникают проблемы общества потребления, усиливающие кризис формирования личности:

- опыт каждого отдельного индивидуума не составляет целого; его части противоречат друг другу, «будто в каждом индивидууме сосуществует несколько личностей»;
- ослабевание идеи постепенного подчинения нормам общественной жизни — как профессиональным, так и семейным;
- личность, находящаяся в обществе потребления, не стремится к вращению в это общество.

«Распад социума и личности, — пишет А. Турен, — превратил наше общество в большей степени в супермаркет или в аэропорт, нежели в завод или в свод юридических норм. Если в прошлом **Субъект** находился в полном подчинении закону, Божескому или общественному, то в современном мире ему грозит стать жертвой общества потребления, которое, с одной стороны, манипулирует им, а с другой — постоянно подталкивает его к гонке за все новыми и новыми благами»³.

Угроза демодернизации показана на рисунке 6.3. Тот, кто не идентифицирует себя ни с одной из частей распадающегося мира, переживает этот разрыв. Личное страдание является

Рис. 6.3. *Разрыв*

³ Touraine Alain. Pourrons-nous vivre ensemble? Égaux et différent. Paris. 1997.

«главной силой сопротивления разрыву демодернизирующегося мира». **Сущность** субъекта заключена в стремлении быть действующим лицом. А. Турен выделяет две основы Субъекта:

I. Борьба против логики рынка и сообщества, навязывающая постоянный и твердый принцип поведения.

II. Стремление к индивидуализации (субъективация), происходящее при достаточном контакте двух Миров — конструктивная составляющая сущности субъекта.

«Центральное место, которое мы предоставляем идее Субъекта, — пишет А. Турен, — должно воплотиться скорее не в подчеркивании уникальности современной ситуации, а в поиске различающихся, но вытекающих друг из друга социальных явлений, пронизывающих все общества, обладающие определенным уровнем историчности, способные к самoproизводству и трансформации».

Воплощение субъекта происходит в двух противоположных образах: в индустриальном и постмодернистском обществах. Если для первого характерны призывы к справедливости и освобождению трудящихся, что находит свое воплощение в проектах идеального социалистического общества, то для постмодернистского общества на передний план выступают права человека, стремящегося ограничить общественную власть (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Воплощение субъекта в двух противоположных образах

Воплощение субъекта	Постмодернистское общество		Индустриальное общество	
	Национальное государство, собственноручно сакрализованное	Права человека, ограничивающие общественную власть	Обожествление нового общественного порядка, создание проекта идеального социалистического общества	Рабочее движение — призывы к справедливости и освобождению трудящихся

«На каждом этапе, в любом типе общества Субъект отталкивается от мифа о сакральном порядке и в то же время исходит из принципа подрыва устройства, установленного властью».

Самобытность Субъекта обуславливается сочетанием трех сил:

- 1) личное желание сохранить индивидуальную самостоятельность;
- 2) коллективная и частная борьба против властей, трансформирующих культуру в сообщество, а труд — в товар;
- 3) признание — как межличностное, так и институциональное — Другого в качестве Субъекта.

«Субъект не формирует себя в непосредственном контакте с самим собой, на базе своего личностного опыта, в контексте персонального удовольствия и общественного успеха.

Он существует только в **борьбе с силами рынка и сообщества**; он не создает идеального города и индивидуума высшего типа, он **осваивает и защищает лужайку, которую постоянно пытаются захватить**.

Он скорее **обороняется**, чем участвует в борьбе, он скорее защищается, чем пророчествует.

Правда, он не олицетворяет собой лишь протест и борьбу; он также знает удачу, успех и счастье.

Но он — не архитектор идеального порядка; он — **сила освобождения**».

Таким образом, можно сказать, что для А. Турена самым главным является развитие субъекта — человеческой личности с большой буквы. Проблема заключается в том, в какой мере удастся достичь гармоничного сочетания человека и общества. Люди предъявляют все более и более высокие требования к социальным стандартам своего бытия, и проблема заключается в том, что общество далеко не всегда соответствует этим высоким требованиям. Только там, где оно находит адекватный ответ на вызовы эпохи, оно движется вперед.

Эти идеи получили своеобразную интерпретацию и в работах Фрэнсиса Фукуямы.

Фрэнсис Фукуяма (Yoshihiro Francis Fukuyama, р. 1952) после окончания в 1974 г. Корнельского университета, в 1977 г. защитил докторскую диссертацию в Гарварде. В 1979–1980, 1983–1989 и 1995–1996 гг. работал в корпорации РЭНД. С 1996 г. он — профессор Университета Дж. Мэйсона.

Фрэнсис Фукуяма
(р. 1952)

В 1992 г. выходит книга «Конец истории и последний человек», в 1995 г. «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния», в 1998 г. — «Великий разрыв», в 2002 г. — «Наше Постчеловеческое Будущее: Последствия Революции Биотехнологии», в 2004 г. — «Государственное устройство: Управление и Мировой порядок в XX веке», в 2006 — сразу две работы: «Америка на Перекрестке: Демократия, Власть и Неоконсервативное Наследство» и «После Неоконсерваторов: Где Право пошло не так, как надо».

Социальное состояние современных государств характеризуют, по мысли Ф. Фукуямы, рост преступности и социальной дезинтеграции, упадок родственных связей как социального института, падение рождаемости, сокращение браков, увеличение числа разводов и внебрачных детей, падение доверия к общественно-политическим институтам, изменение характера участия людей в жизни друг друга: мимоletность социальных связей, сокращение межличностных обязательств. Это и есть основные черты «великого разрыва».

Основа этих процессов — **«социальный капитал»** — набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы. Каждое общество обладает «социальным капиталом», но все они различаются **«радиусом доверия»** —

параметром, указывающим на то, что определенные нормы сотрудничества распространяются на группы различного объема, а не на общество в целом. Главная составляющая этих процессов — переход от индустриального к информационному обществу в экономической сфере, имеющий как положительные черты, так и отрицательные по своим социальным последствиям — **«великий разрыв»**, который начал проявляться примерно с середины 60-х гг. XX в.

Количественный анализ изменений социального капитала измеряется следующими параметрами:

- данные о преступности;
- данные о семейном положении граждан (показатели рождаемости, число браков, разводов, незаконнорожденных детей);
- данные опросов по доверию, ценностям и гражданскому обществу (речь идет об ассоциациях, занимающих место между семьей и государственными учреждениями).

Причинами «великого разрыва», по мысли **Ф. Фукуямы**, являются рост бедности и/или неравенства в доходах, общее увеличение богатства в обществе, особенности современной системы государственного социального обеспечения, общие культурные сдвиги: упадок религии и господство индивидуалистических интересов, распространение морального релятивизма (как ложной доктрины).

Поскольку человек социален по своей природе, ему приходится совмещать ценности и правила, принятые в группе, со своими индивидуальными ценностями.

Общество связано со всем универсумом социальных норм (рис. 6.4). Иерархия неизбежна.

Ограничения на спонтанность возникают из-за размеров группы (спонтанный порядок возможен лишь для малых групп), различий в понимании справедливости, необходимости достижения организацией определенных целей, принятия быстрых решений и естественной склонности людей создавать иерархии.

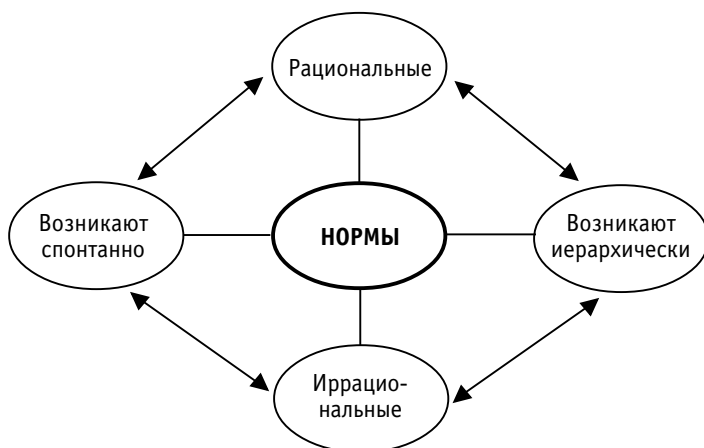

Рис. 6.4. Социальные нормы

В капиталистическом обществе высокая динамика может привести к распаду сообществ. Однако оно создает порядок и выстраивает новые нормы для замены тех, которые уничтожаются. В отличие от него, **постиндустриальное (информационное) общество характеризуется** устойчивым спросом на социальный капитал. Он — «общественное достояние», за которое должно отвечать общество в целом (в лице государства). Главной задачей государственной политики является сохранение и стимулирование роста социального капитала. Поэтому необходимо осторожное отношение к государственным социальным программам, так как некоторые из них способны привести к снижению уровня ответственности и солидарности. Основой государственной политики, согласно Ф. Фукуяме, является способность государства обеспечивать общественную безопасность и стабильность прав собственности.

Фукуяма создает типологию **стран по уровню доверия**. К странам с высоким уровнем доверия он относит Японию, Германию, США, к странам с низким уровнем доверия — Китай, Мексику, Францию, Италию и Россию.

Конечно, можно соглашаться с Фукуямой или нет, но книга «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» посвящена важному вопросу, который достаточно остро стоит сегодня перед российским обществом. В настоящее время, когда страна проходит сложный этап политических, экономических, культурных преобразований, не утихают споры, что же именно лежит в основе хозяйственного успеха, какие составляющие наиболее важны для появления в России развитого, процветающего общества. В этом смысле книга дает пищу для размышлений российским политикам, экономистам и философам.

Хотя Ф. Фукуяма и не рассматривает ситуацию с уровнем доверия в России, мы на основе полученной информации можем сделать вывод касательно будущего российского общества, что нам предстоит долгий путь, от которого не избавят ни разумные законы, ни рыночная база, ни активное развитие частного предпринимательства. В России должна сложиться новая система ценностей — только тогда можно будет говорить о создании в стране современного общества и успешной экономике.

6.2. Теория человеческого капитала⁴

Истоки концепции человеческого капитала можно найти в трудах отца политической экономии и статистики **Уильяма Петти (William Petty, 1623–1687)**. Он прошел путь от юнги до помещика и не только в своей жизни, но и в своем творчестве был лаконичен, упрям и строг. Именно ему принадлежит знаменитое высказывание: «Первое, что необходимо сделать, — это подсчитать...»⁵

В изданной в 1676 г. «Политической арифметике» содержится первая попытка подсчета человеческого капитала. Любопытно, что уже тогда основоположник английской

⁴ Данный параграф написан совместно с Ю.В. Латовым.

⁵ *Петти У.* Трактат о налогах и сборах // Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940. С. 175.

политической экономии оценивал человеческую составляющую национального богатства выше, чем вещественную. Стоимость населения Англии он оценил в 417 млн фунтов стерлингов, а все вещественное — в 250 млн. Фактически, как справедливо писал К. Маркс, Петти открывает, что «население — богатство»⁶.

Однако открытие У. Петти оказалось слишком революционным, обогнав эпоху на три столетия. Его последователи, основоположники английской классической политэкономии конца XVIII — начала XIX в., восприняли идею о ценности человека как экономического ресурса, но категорически отказались сравнивать людей с материально-вещественными факторами производства.

Причина упущенной альтернативы — объективное понижение значения «человеческого фактора» в эпоху промышленной революции. К. Маркс в 13-й главе «Капитала» очень точно отметил, что если на ранних («мануфактурных») стадиях развития капитализма относительно простые инструменты являлись дополнением к умелому работнику, то после развития машинного производства, наоборот, человек как «простая рабочая сила» стал дополнением к сложной машине⁷. Когда массовая безработица была осознана как постоянное и «обычное» явление, в развитых странах европейской цивилизации окончательно победило убеждение, что человек — хотя и необходимый, но не очень редкий и, следовательно, не слишком ценный ресурс⁸. Совершенствование эко-

**Уильям Петти
(1623–1687)**

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 357

⁷ Там же Т. 23. С. 382–515.

⁸ В лаконичной форме это убеждение выразил Джордж Байрон, саркастически описывая реакцию английского общества на луддитские волнения: «Ребенка скорее создать, чем машину, чулки — драгоценнее жизни людской...».

номики на длительный период стало прочно ассоциироваться, главным образом, с изобретением новых механизмов и материалов, а не с совершенствованием самого человека.

Дальнейшее развитие идей Петти мы находим у автора «Теории нравственных чувств» (1759) и «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) **Адама Смита (Adam Smith, 1723–1790)**.

А. Смит развивает идею неуравнительного равенства. Согласно А. Смиту, люди имеют от природы данные различия, и это, с точки зрения автора, не недостаток, а их достоинство. Воспитание и образование способствуют развитию и спецификации особенностей каждого индивидуума. Если человек правильно понял свое предназначение, то он начинает специализироваться в той области, которая приносит ему наибольший доход, поскольку обладает в ней сравнительными преимуществами. Разделение труда углубляет и закрепляет эту спецификацию.

**Адам Смит
(1723–1790)**

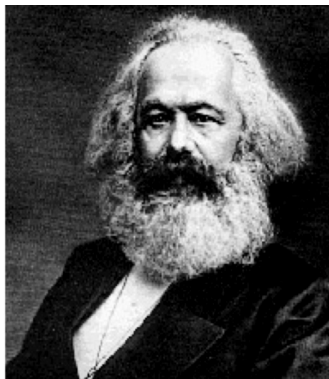
Однако, будучи специалистом в одной области и производя данный вид товаров, человек в то же время нуждается во множестве других для удовлетворения своих растущих потребностей. Право на обмен выступает как способ включения в цивилизацию. Поэтому человек является не только «животным, делающим орудия труда» (*tool-making animal*), но и «животным-обменивающимся». Обмен основан на углубляющемся разделении труда, а его основой являются вложения в человека, благодаря которым он совершенствует и развивает свои сравнительные преимущества.

В то же время в ходе разделения труда происходит упрощение производственных функций, что подготавливает промышленную революцию. Труд низводится до простого эле-

мента мануфактуры, поэтому издержки обучения для большинства рабочих понижаются, а не повышаются. Благодаря этому возникает возможность замены ручного труда машинным, а мужского труда — женским и детским. Естественно, что в этих условиях проблема оценки человека как капитала еще не возникла.

Карл Маркс (Karl Heinrich Marx, 1818–1883) никогда не рас-

сматривал человека как капитал. Для него капитал — это самовозрастающая стоимость, это «деньги, приносящие деньги». Поэтому всеобщую формулу капитала он записывает как $D - T - D'$. Однако, для того чтобы возрасти, капиталу необходимо присвоить живой труд, соединить его со средствами производства. Это становится возможным лишь с появлением особого

**Карл Маркс
(1818–1883)**

рынка — рынка труда. В добуржуазных системах существовало неразделенное единство труда и факторов производства. Поэтому для возникновения капитализма было необходимо отделение собственности от труда, что и происходит в процессе так называемого первоначального накопления капитала. В условиях всеобщего товарного производства товарную форму приобретают явления и процессы, которые не являются таковыми от природы. Как это происходит и каковы последствия этого процесса К. Маркс показывает в «Экономико-философских рукописях» 1844 г. и в первоначальном наброске «Капитала» — «Экономических рукописях 1857–1859 гг.».

Еще одной попыткой актуализировать идею человека как важнейшего экономического ресурса стала политическая экономия марксизма. Эта попытка имела большие шансы на успех, поскольку К. Маркс изначально создавал свою теорию

как комплексное обществоведческое учение, интегрирующее экономику с социологией, исторической наукой, политологией, социальной философией и т.д. В результате именно в лоне марксизма родилась первая целостная концепция экономических ресурсов как «производительных сил».

Становлению этого подхода способствовало то, что на формирование Маркса как экономиста оказала заметное (им самым слабо отрефлексированное) влияние идущая от Ф. Листа немецкая традиция экономической мысли, отличающаяся пристальным вниманием именно к социальным аспектам хозяйственной жизни. В частности, понятие «производительные силы» появляется именно у Ф. Листа в его монографии «Национальная система политической экономии» (1841). Производительные силы, по Ф. Листу, — совокупность общественных условий, без которых не может быть создано национальное богатство. Это понятие стало основой марксистской теории; если заменить определение «производительные силы» на «социальный капитал», то оно вполне действенно и в рамках современной науки.

Как уже отмечалось, К. Маркс никогда не рассматривал человека как капитал. Его рассуждения о «простоте» редукции сложного труда к простому показывают, что он, в духе времени, не считал квалифицированного работника каким-то особо важным ресурсом. Но он отверг и устоявшееся к его времени понимание капитала как материально-вещественных ценностей. В концепции Маркса капитал — это «производственное отношение», институт. Следовательно, с некоторой долей условности его (наряду с Ф. Листом) можно считать основоположником концепции социального капитала — экономического ресурса, заключенного в определенных отношениях между людьми.

Дальнейшее развитие марксизма вновь показывает, что предвидения, обгоняющие свою эпоху (как это было у У. Петти), либо не воспринимаются, либо «огрубляются» до неузнаваемости. Характерно, что проблемы отчуждения и эволюции

личности четче отражены в работах «раннего» Маркса (автор рукописей, «написанных в стол»), в то время как «поздний» Маркс (автор «Капитала») стремился, насколько вообще было возможно в рамках его теории, вписаться в господствующую систему научного дискурса и умонастроений широких масс. Когда же его идеи «пошли в массы», то сам Маркс на склоне лет с горечью заметил по поводу формирующегося марксизма как массовой идеологии, что сам он — вовсе не марксист.

Наследниками «раннего» Маркса стали неортодоксальные марксисты второй половины XX в. (типа Г. Маркузе и Э. Фромма), сосредоточившие внимание на изменениях «человеческих свойств». Напротив, в ортодоксальном советском марксизме закрепилось жесткое противопоставление производительных сил и производственных отношений, опирающееся на «позднего» Маркса (а еще больше — на работы В.И. Ленина). Производительные силы при этом трактовались грубо-вещественно — в духе «мельница создала феодализм, а паровая машина — капитализм». Практическим воплощением такого понимания экономических ресурсов стала советская экономическая политика, когда либо человек рассматривался как сырье для великих строек (в сталинскую эпоху), либо, в лучшем случае, социальная сфера финансировалась по остаточному принципу (в брежневскую эпоху).

Осознание этого произошло, однако, далеко не сразу. Первые попытки появляются уже в XIX в. В частности, учитель А. Маршалла Нассау Сениор считал, что «человек — это капитал с затратами на содержание, вкладываемыми в человека с ожиданием получения выгоды в будущем»⁹. По мере повышения требований к качеству рабочей силы, эти идеи начинают все чаще и чаще встречаться в литературе. «Существует обученный индивидуум, — писал И. Фишер, — который должен быть включен в понятие капитала»¹⁰. Однако,

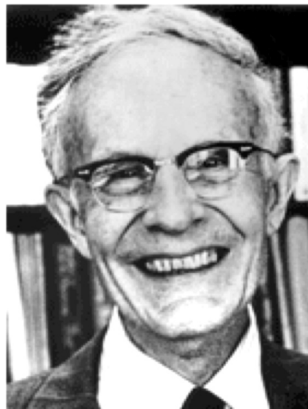
⁹ Senior-N.W. An Outline of the Science of Political Economy N. Y., 1939. P. 10.

¹⁰ Fisher I. Senses of Capital // The Journal of Political Economy. 1897.

пройдет не менее полувека, прежде чем понятие человеческого капитала ворвется в экономическую теорию.

Большой вклад в обоснование роли человеческого капитала внес американский экономист **Теодор Шульц (Theodore William Schultz, 1902–1998)**. После окончания обучения в Висконсинском университете он в 1928 г. получил степень магистра, а в 1930 г. — доктора наук по специальности «экономика сельского хозяйства». С 1930 г. он начал преподавать в колледже штата Айова (ныне университет этого штата), а с 1943 г. — профессор Чикагского университета, в котором проработал до 1972 г.

**Теодор Шульц
(1902–1998)**

Первоочередность институциональных изменений Шульц обосновывает в монографиях «Преобразуя традиционное сельское хозяйство» (1964), «Инвестиции в человеческий капитал: роль образования и научных исследований» (1971) и «Инвестиции в людей: экономика качества населения» (1981).

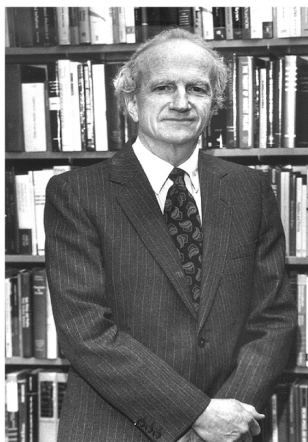
Под институтами Т. Шульц понимает правила поведения, которые определяются довольно широко. Они включают и кредитно-денежные отношения, и организационные структуры, основанные на контрактах, кооперации и т.д., и права собственности, включая трудовое законодательство и формы человеческого капитала, а также материально-техническую инфраструктуру¹¹.

Уже в работе «Преобразуя традиционное сельское хозяйство» показана важная роль аграрной технологии, уровень которой, по мнению Т. Шульца, зависит прежде всего от

¹¹ *Schultez T.W. Investment in Human Capital. N. Y., 1971. P. 249.*

информации, находящейся в руках фермера. Ее недостаточность выступает как фактор, сдерживающий рост урожайности и повышение эффективности хозяйства.

Современная теория человеческого капитала была сформулирована в трудах **Гэри Беккера (Gary Stanley Becker, р. 1930)**. После окончания Принстонского университета в 1951 г. он учится в Чикагском университете, где в 1955 получает степень Ph. D (доктора философии). С 1957 по 1968 г. работает в Колумбийском университете. Именно здесь выходит его знаменитое исследование «Человеческий капитал» (1-е изд. — 1964, 2-е изд. — 1975). В 1968 г. Гэри Беккер возвращается в Чикагский университет. В 1992 г. ему присуждается Нобелевская премия по экономике.

Гэри Беккер
(р. 1930)

Г. Беккер выделяет в человеческом капитале индивидуума знания, производственные навыки и мотивацию. Увеличение вложений в подготовку будущих специалистов и обучение квалифицированных работников, считает он, могут приносить в будущем не меньше прибыли, чем расходы на машинную технику.

Концепция человеческого капитала получила дальнейшее развитие в работах Й. Бен-Пората, Т. Шульца, М. Блауга, У. Боуэна, Э. Денисона, Дж. Кендрика, Ф. Махлупа, Г. Псаропулоса, Л. Туроу, Б. Чизвика, Э. Фромма и др.¹²

¹² *Ben-Porath Y.* The production of Human Capital and The Life Cycle of Earnings N. Y.; L. 1970; *Thurow L.* Investment in Human Capital Belmont, 1970; *Schultze T.W.* Investment in Human Capital. N. Y., 1971; *Bowen H.R.* Investments in Learning. San Francisco, 1978; *Кендрик Дж.* Совокупный капитал США и его формирование. М.: Прогресс, 1978; и др.

Среди российских экономистов следует прежде всего отметить В. Басова, В. Гойло, И. Ильинского, Р. Капелюшников, М. Критского, С. Костаняна, В. Марцинкевича, М. Соина, С. Струмилина, Л. Тульчинского и др.¹³

Подводя итоги более чем 200-летних поисков, можно в понятии человеческого капитала выделить два аспекта:

1. Человеческий капитал как запас.

Человеческий капитал в широком смысле слова — специфическая форма капитала, воплощенного в самом человеке, это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты. В его структуре обычно выделяются:

- природные способности;
- общая культура;
- знания общие и специальные;
- приобретенные способности, навыки, опыт;
- умение их применить в нужный момент и в нужном месте.

2. Человеческий капитал как поток доходов.

Вложения в человеческий капитал становятся важным активом, обеспечивающим более высокий поток доходов на протяжении всей жизни человека.

В то же время нельзя не отметить, что это — своеобразная форма капитала (рис. 6.5). Дело в том, что в условиях рыночной экономики многие явления и процессы приобретают товарную и денежную формы и могут рассматриваться как актив, приносящий регулярный доход. Не стал исключением и сам человек, многие характеристики которого (знания, способности, навыки и опыт) не будучи товаром, деньгами

¹³ Капелюшников Р.И. Концепция человеческого капитала. Критика современной буржуазной политической экономии. М.: Наука, 1977; Критский М.М. Человеческий капитал. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991; Ильинский И.В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном производстве. СПб.: СПбУЭФ, 1996; и др.

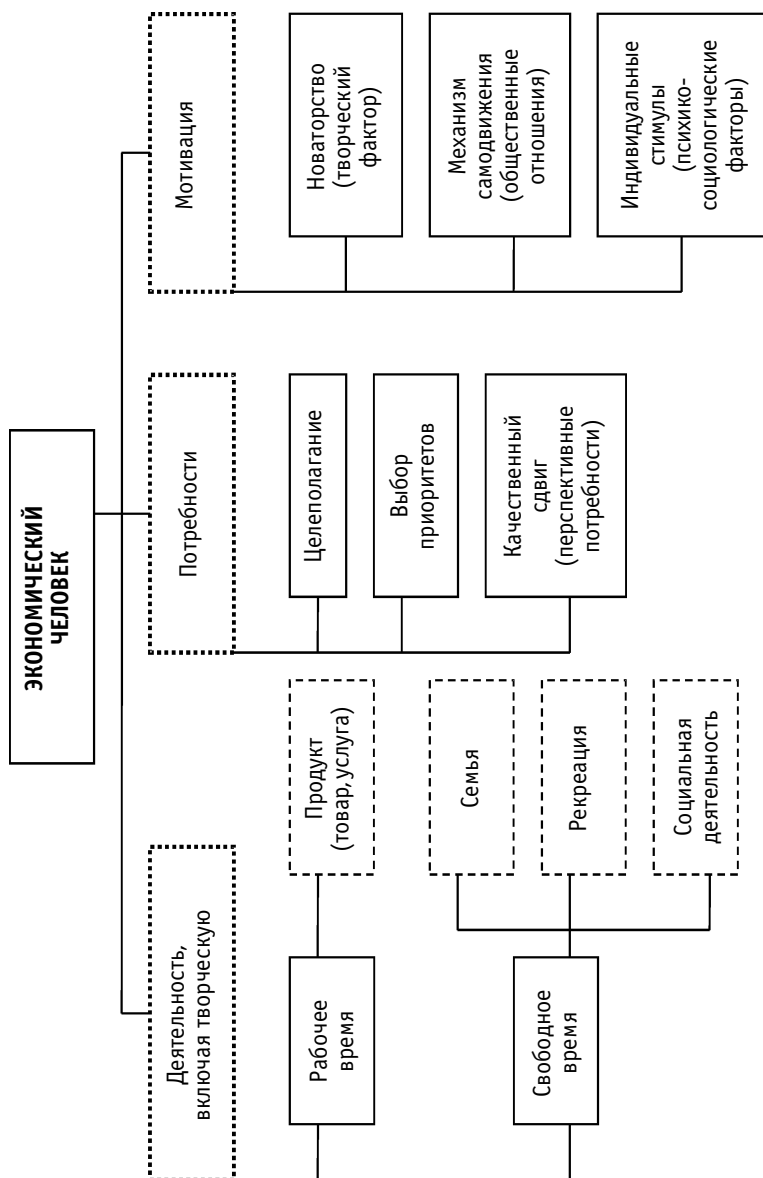

Рис. 6.5. Морфологическое дерево проявлений экономического человека современности

Составлено по: Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 23.

или капиталом как таковыми, приобретают эти исторически преходящие формы, начинают (и не без успеха) примерять к себе эти одежды, эти новые для них социальные формы. В последнее время даже его генетическую природу, физические и психические качества человека, его силу, красоту и ловкость стали выделять в особую форму физического капитала¹⁴.

Если учесть также выделяемый П. Бурдье в отдельную форму и культурный капитал¹⁵, то с учетом этого выделения **человеческий капитал в узком смысле слова** включает только общие и специальные знания; приобретенные способности, навыки и опыт а также умение их применить в нужный момент и в нужном месте.

Однако в реальной жизни отделить одно от другого довольно сложно. Каждая из этих форм предполагает другое, переходит в другое, создает себя как другое. Этот взаимный переход, конвертация капиталов может быть предметом самостоятельного исследования. Нам же здесь следует подчеркнуть

Таблица 6.2

**Соотношение «инвестиций в человека»
и производственных инвестиций в США
(социальные расходы, в% к производственным инвестициям)**

Сфера	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Образование	50	42	45	55
Здравоохранение	54	63	76	101
Социальное обеспечение	90	107	123	162
Всего по трем отраслям	194	212	244	318

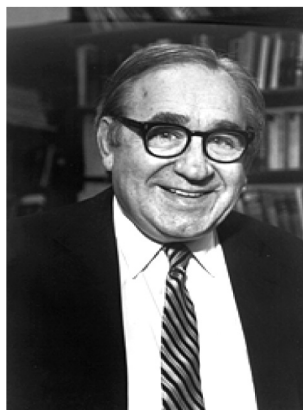
Источник: Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. М.: Аспект пресс, 1995. С. 47.

¹⁴ См.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2.

¹⁵ Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.

тот несомненный факт, что человеческий капитал в послевоенные годы рос более быстрыми темпами, чем вещественный (так называемый «экономический»), а суммарные расходы в образование, здравоохранение и социальное обеспечение более чем в 3 раза превышали в США в 1990 г. производственные капиталовложения (табл. 6.2).

Следующий важный шаг в изучении человека как экономического ресурса был сделан экономистами-историками, представителями «новой экономической истории». Это направление в историко-экономической науке стало развиваться с 1960-х гг. Одной из важнейших его отличительных особенностей стало стремление соединить экономическую историю с общей экономической теорией, активно используя количественные базы данных и методы экономико-математического анализа. Одним из лидеров этого направления стал американский экономист **Роберт Фогель (Robert William Fogel, р. 1926)**, профессор сначала Чикагского, а затем Гарвардского университетов, удостоенный за свои труды Нобелевской премии по экономике 1993 г.

Роберт Фогель
(р. 1926)

Экономическая наука начиналась с представлений о том, что хозяйственная жизнь во всех странах и в любых эпохах развивается, в сущности, по одинаковым правилам. Не случайно на Западе и в наши дни под экономической историей понимают изучение хозяйственной жизни, главным образом, стран западноевропейской цивилизации за последние два-три столетия. При этом предполагается принципиальная тождественность, скажем, современного англичанина и англичанина XVIII в. Марксисты и некоторые институционалисты

(например, последователи К. Поланьи) доказывают, что мотивы хозяйственной деятельности людей до эпохи капиталистической модернизации могли резко отличаться от мотивов современных людей. Р. Фогель выдвинул неожиданный тезис — оказывается, и сами европейцы даже чисто физиологически успели за последние столетия очень основательно измениться.

В принципе, историки давно знали об исторической акселерации: если примерить музейные рыцарские доспехи современному человеку, то они придутся впору разве подростку. Однако только Р. Фогель задался целью выяснить, как же конкретно менялись физиологические параметры людей (например, средний рост и вес) за последние столетия. Став в 1981 г. руководителем Центра экономики народонаселения при Гарвардском университете, он начал создавать и обрабатывать базы данных о сотнях тысяч людей, живших с XVIII в. и до наших дней.

Теоретической основой изучения долговременных физиологических изменений стала идея, что данные о динамике среднего роста и веса людей являются наиболее достоверным индикатором изменения их жизненного уровня. По достоверным оценкам, изменения среднего роста людей примерно на 65–75% определяются социальными факторами. Если родители хорошо питаются, то у них будут крепкие и здоровые дети, а если систематически недоедают, то и потомство окажется чахлым. Р. Фогель предложил обозначить *биологический потенциал человека как работника, полученный им при рождении*, понятием «*физиологический капитал*», рост которого есть не менее яркое выражение прогресса, чем увеличение материального богатства¹⁶. Именно этой теме была посвящена и его нобелевская лекция «Экономический

¹⁶ См., напр.: Fogel R.W. Secular Trends in Physiological Capital: Implications for Equity in Health Care // NBER Working Papers 9771. 2003 (<http://netec.wustl.edu/WoPec/data/Papers/nbrnberwo9771.html>).

рост, теория народонаселения и физиология»¹⁷, прочитанная в декабре 1993 г.

До нового времени, указывает Фогель, хроническое недоедание было обыденным состоянием большинства европейцев. Современный 30-летний американец («мужчина в полном расцвете сил») при среднем росте около 180 см и весе около 80 кг ежедневно должен потреблять примерно 3 300 килокалорий только для нормального обмена веществ (для обеспечения функционирования тела в состоянии покоя). Между тем в XVIII в. ежедневное потребление взрослых мужчин составляло во Франции лишь немногим меньше (2 300–2 600 килокалорий). Получается, что если бы французы 200 лет назад имели бы современные физиологические стандарты роста и веса, они просто не могли бы работать — им бы не хватало жизненной энергии.

Как же объяснить этот парадокс? Во-первых, действительно, бедняки в Западной Европе (их доля доходила до $\frac{1}{5}$ населения) не трудились, а кланчили подаяния. Как выясняется, они занимались этим не из лени, а от элементарного отсутствия сил. Во-вторых, физиологический стандарт тогда был иным — примерно 160–170 см роста и 50–60 кг веса. Конечно, легкий и низкорослый работник даже при полноценном питании не мог быть высокопроизводительным.

В новое время ситуация начала меняться к лучшему. Экономический подъем выразился не только в производстве товаров, но и в «производстве» людей с новыми физиологическими качествами. Улучшение питания и санитарных условий привело как к вовлечению в производство бедняков, так и к изменению физиологических стандартов. Более сильный и здоровый работник, в свою очередь, мог трудиться гораздо лучше. По оценке Фогеля, улучшение питания обеспечило примерно 30% роста экономики Великобритании за

¹⁷ Fogel R. Economic Growth, Population Theory and Physiology: The Bearing of Long-Term Processes on the Making of Economic Policy (<http://www.nobel.se/economics/laureates/1993/fogel-lecture.pdf>).

последние два столетия (20% за счет повышения потенциальной интенсивности труда и 10% за счет ликвидации нищенства-попрошайничества). Это и есть то, что Фогель называет «техно-физиологической эволюцией», — взаимообусловленное совершенствование орудий труда и самого работника.

«Физиологический капитал» Р. Фогеля может показаться частным случаем «человеческого капитала» Г. Беккера. Действительно, в обоих случаях речь идет о здоровье человека, которое существенно влияет на его эффективность как работника. Однако Г. Беккер рассматривает здоровье как результат личного выбора самостоятельного индивида (в частности, вел ли он здоровый образ жизни). Подход же Р. Фогеля основан на тезисе о том, что здоровье индивида (а также ряд иных существенных экономических характеристик — расовая принадлежность, способность к восприятию отдельных продуктов) во многом, возможно даже, в решающей степени, зависит от условий жизни его родителей, а следовательно, от природной и социальной среды, которую индивид вынужден принимать как данность.

Поскольку при анализе экономики здравоохранения трудно отделить те характеристики, которые заданы человеку при рождении и в первые годы жизни, от характеристик, обусловленных сознательно избранным образом жизни взрослых людей, в исследовательских целях допустимо объединить «человеческий капитал» по Т. Шульцу и Г. Беккеру с «физиологическим капиталом» по Р. Фогелю в единый конструкт — «человеческий капитал в широком смысле слова».